

«ЭТО НАДО ПОНЯТЬ САМОМУ»

ТАМ, ГДЕ ул. Вокзальная встречается с улицей Пушкина, в тени старых деревьев старые постройки. Их опоясывает стена из красного кирпича, местами уже растрескавшаяся, покрытая мхом. За этой стеной еще при царях была построена тюрьма. Возможно, именно в ней находился писатель Владимир Галактионович Короленко, во всяком случае, на томском материале родился его рассказ «Убийца». Сегодня в печати вновь можно встретить упоминание о томской тюрьме: с ней связаны трагические страницы жизни многих репрессированных в годы культа личности Сталина.

Тогда улица Вокзальная была вымощена булыжником. Рассказывают, что по ней часто шли колонны обреченных людей — «врагов народа». Что над улицей хлопала выстрелы — это людей заставляли ложиться на снег, в грязь, в лужи.

...Засекаю время. И повторяю их путь. По правую руку уже высится громады девятиэтажек. А вот левая сторона улицы, видно, осталась такой, какой была, — уголок старого Томска. Всего четверть часа

длина этой улицы. На перроне она обрывается...

От случайных попутчиков, жителей нашей глубинки, в разное время доводилось слышать кое-что из истории их мест. Как строилась в болотах дорога к Бакчару или железнодорожная ветка на Асино. Тысячи людей нашли могилу в насыпи, по которой стучат на стыках рельсов поезда. Рассказывали, как по Васюгану шли баржи: на первой — те, кого называли кулаками, на второй — их скудные пожитки, инструменты, запас еды. Первая баржа причаливала к пустынному берегу, а вторая «терялась» в пути. Голыми руками переселенцы осваивали дикие берега. Голод и несправедливость косили людей. Но вот выжил мой дед Илья, мастер на все руки, красноармеец, которого колчаковцы однажды зимним утром выводили на расстрел, который после стал ни за что, ни про что спецпереселенцем. Выжил, но жаль, не дожид до того дня, когда право голоса по-

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ был «сыном врага народа» Швагин Сергей Васильевич. С октября 1937 года по сентябрь 1957-го. В руках у него свежий «Огонек», он сжимает его, как гранату:

— Читал?

— Еще нет.

— Возьми. Потом вернешь, я эти вещи для внука собираю. Вырастет — прочитает...

— Но как же вы жили в ТО время?!

— Как? А вот так. Сидим, ужинаем. Мать, как сейчас помню, картофельные котлеты жарила. Отец только что с работы пришел, под хмельком слегка. Он кузнецом работал, на Белом озере его кузья была. Входят двое в гражданском: «Швагин Василий Яковлевич здесь живет?» «Я», — отец поднялся, хмель с него мигом сошел. «Не вставать!»

На улице фэтон с козырьком ждет, пара лошадей. В доме все перевернули, на чердак лазили, обыск, значит, делали. «Все, собирайся», — говорят. Мать

плачет. Полбулки хлеба дала, кусок сала. «Не волнуйтесь», — говорят, — вернется через два-три дня».

Вот ждем. Месяц нет, другой. Через два-три года получаем трюгольничкин письмо: «Дорогие мои! Я осужден тройкой НКВД по статье 58, пункт 10, как враг народа. Меня избивали, отливали водой и заставляли подписать протокол. Я не помню, что там написано». И еще приписка была: «Письмо пушено по воле», то есть кто-то взялся отправить его. Больше никаких сведений от отца мы не получили. Были, правда, разговоры, что видели его на этапе в Улан-Удэ.

Большая Подгорная, 69. Большой дом на углу. В нем сейчас живет младший сын кузнеца Василия Швагина — Владимир. Из этого дома вывели хозяина в тридцать седьмом, отца двух мальчишек. Младшему — семь лет, старшему — четырнадцать. Напротив — обшарпанный временем дом. Кажется, таким он был всегда.

Да и вся улица, кажется, не изменилась: желтеют поленицы дров, полощется на ветру белье, шныряют собаки и кошки...

— Куда повезли отца?

— Не знаем. Здание НКВД, если не ошибаюсь, располагалось в районе площади Революции.

Если это так, то пара лошадей взяла влево и вверх по главному проспекту города — проспекту Ленина. По левую руку проплыли купола Воскресенской церкви, сейчас вновь раззолоченные...

— Тяжело не знать последнего пути отца. Не знать, где похоронен. В какую сторону мысленно обращаться? Если бы у нас в городе был памятник жертвам сталинщины, это место стало бы святым для тысяч и тысяч томичей. Почему бы памятные досками не отметить черной памяти места — те, где находились застенки НКВД, где гибли честные люди?

Действительно, не только под Куропатами, что в Белоруссии, были места массовых расстрелов. Старожилы нашей области тоже могут назвать подобные места. Сама Обь обнажает тайну, когда под весенним половодьем рушатся ее берега... В Александровском районе есть легенда (или были?) о крутом яре — с него бросались в волны ссыльные.

15 декабря прошлого года в «Красном знамени» увидела свет статья историка-краеведа Е. Пестеревой «Последние свидетели» — это призыв к действию. Надо успеть записать свидетельства. Воспоминания. Боль.

...У четырнадцатилетнего Сергея Швагина как-то сразу поубавилось товарищей. «Сын врага народа», — шептались их родители. Беспочинились за своих детей. В комсомол не приняли. Но с учителями отношения сохранились ровные. «Сын врага народа» учился в школе № 2, потом в техникуме. Скоро Сергей остался старшим в семье: мать получила травму на работе, болела недели две... Мальчишки жили тем, что продавали вещи. Помогали соседи — Сергеевы тетя Нюра и дядя Проша. В октябре тридцать седьмого на квартиру к братьям Швагиным попросилась полячка Ядвига Августовна Романчук-Таты...

«Она стала нам матерью, — коротко говорит Сергей Васильевич. — мы звали ее тетя Ядя. Ее сын был нам ровесником. Как-то соседи купили материн, и тетя Ядя сшила три одинаковые рубашки — белые, с вышивкой, стоячим воротником».

Люди помогли братьям выжить. Не потерять веру в справедливость. И, когда

грянул сорок первый, старший брат решил пойти добровольцем на фронт. Но в райвоенкомате Сергей опять сжался от боли. Ему сказали люди в военной форме, что сыну врага народа нет дороги на фронт, нет у него такого права — защищать Родину.

В начале сорок второго 140 таких отправили на шахты Кузбасса рубать уголек. Когда услышали, что из шахтеров формируется Сталинская 150-я добровольческая дивизия, многие из них направились в военкомат, и с ними Сергей Швагин с заявлением: «Хочу на фронт...». Что сын «врага народа» — скрыл. Так стал бойцом 328-го артполка, переименованного позже в 48-й артполк 150-й дивизии.

Начало боевого пути — Калининское направление. В третьем противотанковом арtdивизионе корректировал огонь, для этого нужно было выдвигаться далеко вперед своих орудий... В ноябре 1942 года под городом Белым получил ранение. После госпитализации оказался в 31-й стрелковой дивизии, в полковой разведке. Возвратилась группа из длительно-го рейда по тылам противника, всем отдых, а рядового Швагина вызвали в СМЕРШ. Был такой орган борьбы с подрывной деятельностью вражеской разведки. Растерялся рядовой Швагин от услышанного: «Будешь служить у нас». Рассказал он тогда свою биографию и то, что отец его, Швагин Василий Яковлевич, осужден как враг народа. В ответ услышал: «Верим тебе. А как в тридцать седьмом врагов народа брали — знаем...». Так летом сорок третьего рядовой Швагин впервые подумал, что пятно с имени его отца бу-

дет рано или поздно смыто. В 1944 году он, сержант СМЕРШа, был принят в партию. Службу нес до 1947 года. Имеет боевые награды — медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Орден вручен за обезвреживание диверсанта.

Минули 1953 год, 1956-й. В 1957 году Сергей Васильевич Швагин решил, направил запрос в Военный трибунал Сибирского военного округа. Ответ пришел быстро, через две недели: «Справка. Дело по обвинению Швагина Василия Яковлевича, 1896 года рождения, до ареста, т. е. до 25 октября 1937 года, работавшего кузнецом подсобного хозяйства в гор. Томске, пересмотрено Военным трибуналом Сибирского военного округа 27 августа 1957 года.

Постановление тройки УНКВД по Новосибирской области от 29 октября 1937 года в отношении Швагина В. Я. отменено, дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления, а он по этому вопросу полностью реабилитирован».

Широкой ладонью кузнеца эту бумажку можно было бы легко прикрыть. Но сила в ней большая — в ней честное имя отца Сергея Васильевича Швагина, его дочерей Альбины и Натальи, закончивших институты, внуков Катерины и Романа. Им не придется чувствовать себя внуками и правнуками врага народа. Роману всего два года. Для него Сергей Васильевич собирает все публикации о тридцать седьмом годе: «Пусть знает правду».

ЕЩЕ НЕ ВСЕ страницы нашей истории раскрыты. Многие из них хранятся только в памяти людей. Благодарен судьбе за встречу с 86-летним Владимиром Ефимовичем Кремневым. Стариком его никак не назовешь, до сих пор дружен со спортом. Родом из крепкой крестьян-

ской семьи, где было двенадцать детей. Окончил в Томске технологический институт, организовывал комсомольские ячейки (об этом подробнее можно узнать в музее истории томского комсомола), работал на заводе в Омске...

1 декабря 1942 года он ждал в гости брата, радостно открыл на стук. Но это были из НКВД. Совершенно спокойно Владимир Ефимович воспринял их приход, унизительный обыск: был уверен, разберутся, отпустят. Поставили на «конвейер». Четверо суток без сна, в нижнем белье, в холодной камере. Следователи в шинелях, в шапках мерзли. Требовали подписать, что собирался убить Сталина. На пятые сутки подписал.

Наверное, это лучше забыть. Не знать. Но вот слезы 86-летнего человека не дают на это право. Он чудом выжил, но не вынесла унижений его семнадцатилетняя дочь, дочь «врага народа».

— Завод напрягал последние силы, давал фронтую продукцию. А в это время арестовывают его ведущих специалистов. Дикая несуразица. Как вообще такое могло происходить в стране?

— Это надо понять самому, — ответил Кремнев.

Чтобы понять, нужно прочитать страницы нашей истории, успеть сохранить для будущих поколений ее правду. Поэтому хочется верить: на улице Вокзальной, улице длиною всего в четверть часа, будет хотя бы скромный памятный знак...

В. КРАВЦОВ.

Гонимый за этот материал автор просит перечислить на счет № 2700905 областного управления Жилсоцбанка в Фонд увековечения памяти жертв незаконно репрессированных в 30-е, 40-е и 50-е годы.